

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.16>

Исачкин Сергей Павлович

Отражение политической культуры социал-демократов Сибирского союза в публикациях второй половины 1930-х - 1950-х гг.

В статье исследована историография идейных позиций и внутрипартийных отношений как явлений политической культуры социал-демократии Сибири накануне и в период Первой русской революции. Выявлены условия, особенности и противоречия функционирования исторической науки в СССР во второй половине 30-х - 50-х гг. XX в. Раскрыто влияние этих факторов на процесс изучения политической культуры социал-демократов региона. В работе проанализированы причины отказа от исследований проблемы примиренчества в сибирском социал-демократическом движении на рассматриваемом этапе советской историографии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/16.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 81-87. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

16. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. М.: Наука, 1965. 394 с.
17. Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири. 1918-1920: воспоминания и документы. Париж, 1930. 173 с.
18. Лапандин В. А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: дисс. ... к.и.н. Самара, 1997. 245 с.
19. Литвин А. Л. Казань: время гражданской войны. Казань: Татарское книжное издательство, 1991. 174 с.
20. Литвин А. Л., Мухарямов М. К. Решающий рубеж. Казань: Татарское книжное издательство, 1978. 168 с.
21. Мухарямов М. К. Гражданская война в Татарии (1918-1919). Казань: Татарское книжное издательство, 1969. 300 с.
22. Мухарямов М. К., Литвин А. Л. Борьба за Казань в 1918 году. Казань: Татарское книжное издательство, 1968. 88 с.
23. Ненароков А. П. Восточный фронт 1918. М.: Наука, 1969. 280 с.
24. Низамова А. Р., Нигамаев А. З. Гражданская война на территории Татарстана 1918-1919 гг. // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Пенза: Наука и просвещение, 2017. Ч. 1. С. 93-96.
25. Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: воспоминания, документы / сост. С. П. Петрова, Л. Ю. Тресиной. М.: Айрис-пресс, 2011. 544 с.
26. Рыбков А. Г. Чехословацкий корпус в Поволжье: 1918 год. Исторические очерки / под ред. Н. С. Яшина. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. 220 с.
27. Сахаров К. В. Белая Сибирь: внутренняя война, 1918-1920. Мюнхен: Б.и., 1923. 324 с.
28. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. Токио: Тип. Токио-Инсацу-Кабусики-Кайша, 1921. 48 с.
29. События гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев: сборник произведений / сост. В. Ю. Сорокин. Казань: ИСБ, 2012. 528 с.
30. Хрулев В. В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М.: Военное издательство, 1940. 100 с.

Domestic Historiography on the Role of the Czechoslovak Corps in the Battle for Kazan in 1918

Valiakhmetov Al'bert Nailevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
albert80@mail.ru

The article considers views of the Soviet, émigré and modern Russian historians on the role of the Czechoslovak corps in the battle for Kazan in 1918. Special attention is paid to studying historians' opinions on the following issues: attitude of the Czechoslovak corps command to the seizure operation, contribution of the Czechoslovak legionnaires to the seizure and defence operations, circumstances that forced them to abandon Kazan. The author shows how the dominant historiographic conceptions (the thesis about the joint anti-Bolshevik camp – in the Soviet historiography, attempts to find causes of the defeat – in the émigré historiography, synthesis of the existing foreign and domestic conceptions – in the modern Russian historiography) influenced approaches to the problem.

Key words and phrases: Civil War in Russia; battle for Kazan in 1918; Czechoslovak corps in Russia; Czechoslovak legionnaires; domestic historiography.

УДК 930.1(09):329.021.3(571)

Дата поступления рукописи: 26.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.16>

В статье исследована историография идейных позиций и внутривнутрипартийных отношений как явлений политической культуры социал-демократии Сибири накануне и в период Первой русской революции. Выявлены условия, особенности и противоречия функционирования исторической науки в СССР во второй половине 30-х – 50-х гг. XX в. Раскрыто влияние этих факторов на процесс изучения политической культуры социал-демократов региона. В работе проанализированы причины отказа от исследований проблемы примиренчества в сибирском социал-демократическом движении на рассматриваемом этапе советской историографии.

Ключевые слова и фразы: политическая культура; культ личности; советская историография; Сибирский союз РСДРП; большевики; меньшевики; идейные позиции; внутривнутрипартийная борьба.

Исачкин Сергей Павлович, д.и.н., доцент
Омский государственный университет путей сообщения
isachkinomsk@rambler.ru

Отражение политической культуры социал-демократов Сибирского союза в публикациях второй половины 1930-х – 1950-х гг.

Политическая культура играет важную роль в разностороннем процессе общественного развития. От ее состояния во многом зависят взаимоотношения социальных слоев населения, выбор форм и методов общественно-

политических преобразований, а значит – стабильное существование страны. В этой связи обращение к опыту изучения различных аспектов политической культуры представляется достаточно **актуальным** для современных ученых, политиков, общественных и государственных деятелей. Учитывая данное обстоятельство, в статье поставлена **цель** – обобщить опыт изучения в советской литературе второй половины 30-х – 50-х гг. политической культуры представителей Сибирского союза Российской социал-демократической рабочей партии. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**: 1) исследовать проблему идейно-политической ориентации социал-демократов Сибири накануне и в период Первой русской революции; 2) проанализировать историографию идейных позиций партийного комитета Сибирского союза РСДРП.

Научная новизна статьи заключается в историографическом анализе идейных позиций и внутривнутрипартийных отношений социал-демократических организаций Сибири как составных компонентов их политической культуры. Разработка данной проблемы уже начата [20; 21]. Однако применительно к литературе второй половины 1930-х – 1950-х гг. такое исследование предпринято впервые. В свою очередь, новизна исследования предполагает использование его результатов в научной, учебно-методической, культурно-просветительной и общественно-политической деятельности, что определяет его **практическую значимость**.

Политическая культура является достаточно сложным элементом общественной жизни. В партийных структурах она выражается в мировоззренческих установках, идейных позициях, политической ориентации, организационных принципах, внутривнутрипартийных и межпартийных отношениях.

В советское время термин «политическая культура» практически не использовался, а в период культа личности, когда социология и генетика оказались под запретом как буржуазные науки, употреблять это словосочетание стало даже опасно. Вместе с тем изучение различных аспектов политической культуры в отдельности приобрело приоритетное значение в связи с утверждением и распространением сталинского тезиса об усилении классовой борьбы в ходе строительства социализма. В такой ситуации определение идейно-политических позиций партийных организаций для пропаганды «единственно верной» большевистской идеологии стало главной задачей советских историков.

Начало второй половины 30-х гг. XX в. явилось переломным этапом в жизнедеятельности Коммунистической партии, всего советского общества. В результате модернизации экономики страны, достижения политической стабильности и всеобщей грамотности населения Советский Союз встал на путь создания мощной державы. Однако осуществление сталинского варианта социализма в СССР привело к неоправданным социальным потерям, что в реальной жизни дискредитировало правящую партию. Все это привело к необходимости создания новых трудов по ее истории, пропагандирующих достижения большевиков и оправдывающих «издержки» их политики трудностями борьбы за построение нового общества.

Успешное решение данной задачи гарантировалось значительным укреплением материальной базы исторической науки. Однако в полной мере воспользоваться постоянно растущими возможностями развития историко-партийной науки исследователи не смогли. Им препятствовали жесткие рамки истолкования вопросов теоретической и практической деятельности партии большевиков, установленные в период культа личности И. В. Сталина. Сталкиваясь с этими противоречиями, даже советские ученые приходили порой к противоположным выводам в оценке результатов данного этапа историографии. Так, например, Н. В. Злобин считал его в целом временем подъема и совершенствования исторической науки [17]. В свою очередь, Н. И. Приймак отмечал в рассматриваемые годы снижение уровня исследовательской работы по сравнению с предыдущим периодом [35, с. 34-35].

Основные вопросы ленинской стратегии и тактики были отражены в Кратком курсе истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), вышедшем в 1938 г. [22]. Именно его рамками ограничивались возможности развития историко-партийной науки вплоть до начала перестройки. В то же время в учебнике точнее и глубже всех предшествующих трудов обосновывалась ленинская концепция Первой революции в России, что стимулировало процесс ее изучения. Особенно он активизировался в связи с празднованием пятидесятилетия данного события. В юбилейных тезисах Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза была отмечена исключительная важность дальнейшего исследования ленинского теоретического наследия, стратегии и тактики большевиков в буржуазно-демократической революции, форм и методов партийного руководства массами [36]. Примечательно, что это происходило в преддверии XX съезда КПСС, осудившего культ личности и его последствия. Неслучайно в 1956 г. в журнале «Вопросы истории» стали издаваться статьи, в которых особое значение придавалось буржуазно-демократической сущности Первой революции, подчеркивалась роль в ней меньшевиков, затушевывались фракционные разногласия по вопросу о гегемонии пролетариата в революционном движении 1905-1907 гг. [44]. Однако уже через год такое отступничество от марксистско-ленинской теории было пресечено специальным постановлением ЦК КПСС «О журнале “Вопросы истории”» [32], что приостановило дальнейшее развитие проблематики соответствующих исследований.

Важным объектом изучения и предметом пропаганды истории большевизма был Сибирский союз РСДРП, действовавший накануне и в период Первой русской революции. В это время в ссылке за Уралом находились многие представители ленинской партии, а в конце XX в. – сам вождь мирового пролетариата. Разумеется, игнорировать эти факты историки не могли. В первую очередь их интересовало идейное воздействие соратников В. И. Ленина на развитие революционного движения в регионе. Поэтому проблема идейно-политической ориентации местных партийных организаций стала одной из главных.

В состав Сибирского союза входили социал-демократы практически всех крупных городов края, но наиболее тщательно указанная проблема была рассмотрена применительно к Томскому, Омскому и Иркутскому комитетам.

В трудах, специально посвященных революционным событиям в Томской губернии, указывалось, что захват меньшевиками руководящих позиций в местном комитете произошел в марте 1904 г. после ареста многих большевиков. Однако, по мнению авторов, с приездом в Томск юного С. М. Кирова (Кострикова) оставшееся здесь большевистское ядро социал-демократической организации повело решительную борьбу с оппортунистами, благодаря чему в партийном комитете вновь начало преобладать большевистское направление [15, с. 14-15; 23, с. 51]. С этого момента с именем С. М. Кирова стала связываться вся дальнейшая история местной организации РСДРП рассматриваемого периода. Даже авторы обобщающих работ по теме Первой революции в России неизменно подчеркивали влияние С. М. Кирова на развитие революционного движения в Сибири [34, с. 33; 38, с. 111].

По существующим тогда представлениям, особая заслуга С. М. Кирова состояла в большевизации Томского социал-демократического комитета в конце 1905 – 1906 г. На основе данного вывода довольно подробно был рассмотрен процесс большевизации местной партийной организации. При этом поводом ее резкой переориентации в сторону большевизма в конце 1905 г. историки предлагали считать разные факторы. М. К. Ветошкин утверждал, будто в Томске даже в октябрьские дни 1905 г. «положение меньшевиков было настолько непрочным, что стоило отсюда уехать таким видным лидерам меньшевизма, как В. А. Гутковский и А. Ф. Сухоруков, и руководство в комитете вновь перешло в руки большевиков» [10, с. 49]. Однако из приведенных самим же автором данных о соотношении фракционных сил в Томском комитете во второй половине 1905 г. такой вывод не следовал. В свою очередь, А. И. Ключников и Д. Б. Груш доказывали шаткость положения меньшевиков появлением в городе осенью 1905 г. листовок большевистского содержания [24, с. 330]. А. В. Зайцевский, Г. В. Трухин и В. С. Флеров полагали, что большевизация местного комитета состоялась после черносотенных погромов в Томске, которые произошли при явном попустительстве меньшевиков. В такой ситуации они «разоблачили себя как предателей революции» и самоустранились от партийного руководства, потеряв доверие масс [15, с. 35; 39, с. 58].

Томская социал-демократическая организация признавалась большевистской в период ослабления натиска пролетариата, что авторы подтверждали решениями ее конференции, состоявшейся в апреле 1906 г. [15, с. 42; 39, с. 64]. Этот вывод развил М. К. Ветошкин, утверждавший, что в годы отступления революции «вся периферия Томского комитета РСДРП находилась в руках большевиков» [9, с. 36]. При этом он имел в виду такие организации и группы, как Тайгинская, Анжерская, Барнаульская, Бийская и Обская (Новониколаевская). Данную точку зрения впоследствии поддержали практически все историки.

В рассматриваемой литературе процесс борьбы большевиков с меньшевиками в Омской партийной организации накануне и в годы Первой русской революции почти полностью соответствовал межфракционным отношениям социал-демократов Томска. При этом в основном совпадали и сами этапы указанного процесса, результаты которых тоже объяснялись аналогичными причинами.

А. И. Ключников и Д. Б. Груш считали, что Омский комитет в период подготовки революции имел твердую большевистскую направленность [24, с. 323]. Другие ученые не делали столь категоричных выводов, но обращали внимание на существование в 1904 г. в местной организации крепкого большевистского ядра, которое заметно усилилось в результате вступления в партию шестнадцатилетнего В. В. Куйбышева. Однако после его отъезда осенью 1905 г. в Петербург меньшевикам удалось полностью овладеть руководящими позициями в комитете [25, с. 5, 14; 37, с. 23]. При этом М. К. Ветошкин уточнял, что омские меньшевики в период наивысшего подъема революции так и не смогли распространить своего влияния на железнодорожный район города, где действовал свой партийный подкомитет [10, с. 155]. Большевизацию местной организации в 1906 г. историки также связывали с возвращением в Омск В. В. Куйбышева, который «со всей большевистской непримиримостью возглавил борьбу за ликвидацию меньшевистского влияния и почти целиком очистил Омскую социал-демократическую организацию от меньшевиков» [1, с. 18]. Кроме этого, признавалось, что именно он руководил Западно-Сибирской партийной конференцией и единолично возглавлял всю пропагандистскую работу в Степном крае во время выборов во II Государственную думу [25, с. 18; 37, с. 33]. Однако в собственных воспоминаниях В. В. Куйбышев подобных фактов не приводил и вообще считал себя в то время только начинающим революционером, «не искушенным в конспирациях и подпольной борьбе» [27, с. 13]. Как о своих наставниках вспоминал он о К. А. Попове и В. Л. Шанцере, которые и были главными руководителями революционного движения в Омске.

Правда, не только присутствием или отсутствием В. В. Куйбышева объясняли историки изменения в политической ориентации Омского комитета. М. К. Юрасова, например, отмечала, что усилению меньшевистского влияния осенью 1905 г. способствовали аресты сторонников В. И. Ленина, а большевизацию местного социал-демократического комитета в 1906 г. она подтверждала ссылкой на итоги Омской партийной конференции, состоявшейся в ноябре 1906 г. [41, с. 112, 121].

Иркутская организация РСДРП признавалась в целом меньшевистской по своим тактическим действиям, но и в ней, как постоянно подчеркивали авторы, шла в годы революции непримиримая борьба между большевиками и меньшевиками. М. К. Ветошкин в первом издании своей монографии утверждал, что захват меньшевиками местного комитета произошел в конце 1904 г., «после ряда арестов и откомандирований руководящих большевистских работников в другие районы Сибири и Урала» [10, с. 158-159]. Во втором же издании данного

труда ученых, учитывая плодотворную деятельность в 1905 г. некоторых видных большевиков Иркутска, перенес процесс окончательной меньшевизации партийного комитета на конец 1905 г. [7, с. 168]. В работе Г. А. Вендриха фигурируют две даты перехода местного комитета на меньшевистские позиции: начало 1904 и самый конец 1905 г. Однако между ними в Иркутском комитете шла упорная борьба противостоящих течений социал-демократии за свое влияние. По мнению Г. А. Вендриха, осенью 1905 г. «основную силу организации и руководящее ядро комитета составляли большевики-ленинцы», а в период всеобщей октябрьской политической стачки «большевистский лозунг подготовки вооруженного восстания был главным стержнем всей работы Иркутского комитета» [3, с. 11, 12, 16]. Более объективную характеристику городской социал-демократической организации дал Н. Н. Яковлев, который указывал: «Несмотря на количественное преобладание меньшевиков, большевики все же имели возможность оказывать влияние на политику комитета, что проявилось в ряде листовок. Некоторые из них носили большевистский характер» [43, с. 82]. Особенно усилилось это влияние, по мнению автора, в октябре 1905 г., чему способствовали сама политическая обстановка в стране, а также приезд в Иркутск таких большевиков, как И. В. Бабушкин, Н. Н. Баранский, А. И. Попов-Коновалов.

Ни один из ученых не решился назвать Иркутскую партийную организацию большевистской в период отступления революции, хотя подобные выводы и не совпадали с общепринятой концепцией истории Сибирского союза РСДРП. Одним авторам не позволяла это сделать меньшевистская тактика местного комитета при выборах в I Государственную думу [24, с. 371], другим – ярко выраженная меньшевистская направленность городской партийной конференции 1907 г. [13, с. 173-174].

Согласно единодушному мнению ученых, Красноярская социал-демократическая организация накануне и в годы Первой русской революции была большевистской как по составу, так и по своим тактическим действиям. Обобщая их выводы, М. К. Ветошкин писал: «В чисто пролетарской среде Красноярска меньшевизм прививался очень слабо, поэтому группа меньшевиков, состоящая, главным образом, из нескольких интеллигентов и представителей мелкобуржуазных элементов, никогда не играла здесь значительной роли» [9, с. 67]. Причем в рассматриваемый период историки гораздо реже, чем прежде, обращали внимание на присутствие меньшевиков среди местных социал-демократов. В связи с этим стали угасать дискуссии по проблеме политической ориентации печатного органа городского комитета партии «Красноярский рабочий». Большинство исследователей считали большевистскую направленность данной газеты само собой разумеющимся фактом. Лишь в 1952 г. Н. Н. Яковлев вновь обратился к указанной проблеме. В одной из своих статей он рассуждал следующим образом: «Писавшие до сих пор о Красноярском восстании называли газету “Красноярский рабочий” большевистской. Однако анализ содержания газеты дает основание утверждать, что ее позиция в ряде вопросов сбивалась на меньшевистскую». Большевистским был, как подчеркивал автор, и состав редакции «Красноярского рабочего» [42, с. 58, 60]. В 1955 г. И. Г. Зобачев и Д. Б. Груш также стали считать, что местные большевики совершили большую ошибку, допустив в редакцию меньшевиков, которые нередко проводили свою тактическую линию на страницах газеты [12, с. 70; 19, с. 16-17]. Правда, последний из них в статье, написанной совместно с А. И. Ключниковым, уже не делал подобных замечаний. В 1956 г. Д. Б. Груш и А. И. Ключников утверждали, будто все коренные тактические вопросы «газета “Красноярский рабочий” рассматривала с большевистских позиций» [24, с. 351].

В конце изучаемого периода И. Г. Зобачев повторил забытый с начала 1930-х гг. тезис о том, что отсутствие организационного размежевания в рядах Красноярской социал-демократической организации «в сильной степени сказалось на развитии и исходе вооруженного восстания в городе» [18, с. 151].

Наиболее единодушны были историки при определении политической ориентации Читинской партийной организации. По авторитетному в то время мнению М. К. Ветошкина, «читинские социал-демократы, воспитанные в кружках Ярославского, после II съезда партии твердо встали на позиции большевиков, не сходя с которых они вошли и в революцию 1905 г.». «Читинский комитет РСДРП, – заявлял ученый, – проявил себя в этой революции комитетом ленинской партии нового типа» [6, с. 93]. Кроме того, как утверждал автор, «все социал-демократические организации Забайкалья были большевистским бастионом в составе Сибирского союза РСДРП» [4, с. 32]. При этом Читинский комитет сохранял свое политическое направление даже в отсутствие видных большевистских лидеров, благодаря четкой работе по подготовке кадров революции и особой сознательности местного пролетариата [6, с. 111, 112, 114]. Точку зрения М. К. Ветошкина разделяло подавляющее большинство исследователей, причем некоторые из них называли Читинский социал-демократический комитет не просто большевистским, а комитетом большевиков [31, с. 17; 40, с. 112]. Если в 1920-е гг. М. К. Ветошкин довольно часто указывал на присутствие меньшевиков в местной партийной организации [5], то в рассматриваемое время он этого уже не делал. Однако такое упущение было в какой-то мере восполнено в работах В. И. Дулова, Ф. А. Кудрявцева, К. Шней-Красикова [14, с. 138; 40, с. 112]. В свою очередь, Е. Окулова, обращая внимание на отсутствие единства в Читинском комитете «по вопросам тактики», считала, что значительная часть его членов «состояла из молодых неопытных товарищей, едва ли очень сильных в области теории и практики большевизма» [33, с. 144-145].

В условиях постоянного переплетения большевистских и меньшевистских позиций в местном социал-демократическом движении довольно сложно было определить идейно-политическую ориентацию Сибирского союза в целом. В такой ситуации требовалось изучение деятельности союзного комитета, руководившего всеми организациями региона. Решению данной задачи много внимания уделил М. К. Ветошкин – признанный специалист того времени в области изучения революционного движения за Уралом. Его монография «Сибирские большевики в период Первой русской революции» стала важным событием в советской

историографии, о чем свидетельствуют три ее издания, появившиеся каждое новое десятилетие под разным названием [7; 8; 10]. Вместе с тем следует учитывать, что задачей историко-партийной науки периода культа личности было не только изучение «героического» прошлого ВКП(б), но и разоблачение ее противников, приравненных к «врагам народа». В трудах М. К. Ветошкина к таким был причислен руководитель Сибирского союза РСДРП В. А. Гутовский на основании его меньшевистской принадлежности. При этом автор утверждал, будто на II общесибирской конференции 1905 г. В. А. Гутовский способствовал переориентации союзного социал-демократического комитета в сторону меньшевизма, в связи с чем тот фактически бездействовал в период наивысшего подъема революции, оставив местные партийные организации без руководящего центра. В такой ситуации безрезультатным объявлялся и I съезд Сибирского союза, проходивший во время всеобщей октябрьской политической стачки [7-10]. Большой дискредитации лидера социал-демократии всего региона трудно было представить.

Между тем такая ситуация негативно сказывалась на оценке союзного комитета в целом, что требовало его реабилитации, которая состоялась в дальнейшем на страницах советских изданий. Со второй половины 1906 г., по мнению А. И. Ключникова и Д. Б. Груша, начался «поворотный этап» в деятельности организаций РСДРП Сибири [24, с. 376]. Он был связан с численным и идейным ростом партийных организаций, почти полностью вставших на позиции большевизма. Особо важным, подчеркивал И. Г. Зобачев, было то, что «союзный комитет перешел в руки большевиков и они восстановили его значение как руководящего центра» [19, с. 83]. При этом ученые опирались на итоги II съезда Сибирского союза 1906 г., а также на решения Западно-Сибирской партийной конференции. Однако если результаты последней действительно дают возможность делать соответствующие выводы, то отдельные резолюции съезда вряд ли можно считать оптимистичными для большевиков [11, д. 1, л. 26]. Впрочем, это было замечено некоторыми исследователями. Так, например, Г. У. Бузурбаев указывал, что «о I Государственной думе съезд высказался в меньшевистском духе» [2, с. 145]. М. К. Ветошкин тоже находил в его решениях некоторые элементы оппортунизма, но объяснял такое положение примиренчеством отдельных делегатов и разлагающей деятельностью В. Н. Ахоцимского, предавшего большевиков в самый ответственный момент голосования [8, с. 106].

В подтверждение большевизации Сибирского союза с 1906 г. М. К. Ветошкин опирался на резолюцию его II форума «О IV (Объединительном) съезде РСДРП», в которой подчеркивалось: «Сибирский союз горячо приветствует осуществленное, наконец, объединение внутри нашей партии и выражает уверенность в том, что отныне будет прочно обеспечено как единство политического действия, так и легальный путь для идейной борьбы» [Там же, с. 104]. Однако приведенная автором цитата как раз подчеркивает оставшиеся примиренческие настроения в партийных организациях региона и непонимание сущности ленинской тактической линии по вопросу сближения фракций. После поражения Первой русской революции В. И. Ленин рассматривал объединение с меньшевиками как вынужденную, временную меру и допускал его исключительно на организационных принципах [29, с. 61, 66; 30, с. 399].

Нередко фигурировали в работах исследователей и ссылки на решения III конференции Сибирского союза 1907 г., где, по мнению И. Г. Лашкова, А. И. Ключникова и Д. Б. Груша, голоса между большевиками и меньшевиками разделились поровну. Поэтому, признавали все трое, конференцией были приняты и разосланы на места параллельные резолюции [24, с. 377; 28, с. 272]. Однако никто из них не заметил, что данные факты полностью противоречили концепции большевизации Сибирского союза РСДРП в период отступления революции. В свою очередь, И. Г. Зобачев пытался объяснить равновесие сил на данной конференции не соглашательством большевиков, а арестами их делегатов [19, с. 84].

В целом во второй половине 1930-х – 1950-х гг. ученые особо подчеркивали остроту межфракционной борьбы в Сибирском союзе. По мнению И. Г. Лашкова, «в период Первой русской революции большевики и меньшевики, формально состоя в одной организации, резко расходились в тактических и организационных вопросах, представляя фактически две различные партии» [28, с. 267]. В свою очередь, Ф. А. Кудрявцев и Г. А. Вендрих утверждали, что «среди иркутских представителей союза фракции образовались сразу же после II съезда РСДРП» [26, с. 184]. Вместе с тем, учитывая сам факт организационного объединения фракций в социал-демократическом движении Сибири, историки не могли не отметить проявившееся в нем примиренчество к меньшевикам. Главную причину этого явления М. К. Ветошкин находил в отсутствии надлежащей связи с общепартийными центрами и слабой информированности местных подпольщиков о состоянии дел в партии [10, с. 102]. На эти обстоятельства указывали также другие авторы, причем нередко вступая в противоречие с собственными высказываниями. Так, Е. Окулова, в общем соглашаясь с мнением М. К. Ветошкина, приводила факты, свидетельствующие о перепечатке статей В. И. Ленина в газете «Забайкальский рабочий» в кратчайшие сроки [33, с. 125, 136].

В конце изучаемого периода стало складываться представление о довольно тесных контактах местных социал-демократов с центральными большевистскими органами в годы Первой революции в России. Более того, А. В. Зайцевскому удалось доказать, что связи сибирских революционеров с редакцией ленинской «Искры» были установлены еще в 1902-1903 гг. при непосредственном участии А. И. Ульяновой-Елизаровой [16]. Такая ситуация требовала поиска иных причин существования примиренчества в Сибирском союзе, но никаких попыток для этого предпринято не было.

Таким образом, в литературе второй половины 30-х – 50-х гг. XX в. был поднят ряд вопросов политической культуры социал-демократов Сибири, действовавших накануне и в период Первой русской революции. По идеологическим причинам главным объектом исследования в трудах историков стала проблема

идейно-политической ориентации организаций Сибирского союза РСДРП и его руководящего комитета. Процесс ее изучения осуществлялся в достаточно сложных и противоречивых условиях. С одной стороны, ученые вынуждены были следовать схемам Краткого курса истории ВКП(б) и его апологетов на местах, с другой – имели возможность использовать документальные источники благодаря заметному улучшению состояния архивных учреждений. Несмотря на ограниченный доступ к их фондам, в распоряжении историков появились качественно новые материалы для создания своих работ.

Кроме этого, авторам приходилось учитывать конъюнктуру изучаемых революционных событий. В частности, в Чите и Красноярске произошли достаточно крупные вооруженные восстания, а в последнем из городов возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, чего тогда не было ни в Москве, ни в Петербурге. Для подавления восстаний в Сибири правительство вынуждено было снарядить военизированные карательные экспедиции. Разумеется, такие события советские историки не могли отдать на откуп меньшевикам. Поэтому Читинский и Красноярский партийные комитеты признавались большевистскими на протяжении всей революции, а появившиеся в отдельных публикациях факты участия в данных событиях меньшевиков решающего значения не имели.

Подобного размаха революционного движения в Западной Сибири не было. В Томске события 1905 г. так и не переросли в вооруженное восстание, а в Омске вообще отличались вялотекучестью. Вину за это очень удобно было переложить на меньшевиков. В результате социал-демократические комитеты в этих городах стали считаться меньшевистскими во время наивысшего подъема революции. Однако авторы в своих трудах использовали не только общепринятые схемы, но и документальные источники. Благодаря этому историкам удалось обосновать большевизацию Омского и Томского комитетов РСДРП в период отступления Первой русской революции.

Убедительная источниковая база способствовала объективной оценке идейно-политических позиций Иркутской организации, которая была признана меньшевистской практически на всех этапах революции. Во время всероссийской политической стачки большевикам удалось возглавить руководство в местном комитете, но это продолжалось недолго. Такая трактовка событий не соответствовала существующей концепции идейной эволюции сибирской социал-демократии, но в данном случае ученые сделали исключение.

Определение идейно-политической направленности руководящего органа Сибирского союза РСДРП происходило по схеме М. К. Ветошкина, согласно которой изначально большевистский комитет был сознательно развален меньшевиками в 1905 г., а в период отступления Первой русской революции восстановлен на ленинских позициях. Однако это не подтверждалось документальными источниками. Идейная неустойчивость союзного руководства, как правило, объяснялась его примирением с оппортунистами в отсутствие постоянной связи с центральными партийными органами большевиков. Детальным изучением примиренчества историки не занимались, поскольку это объективно вело к признанию его распространения во всем социал-демократическом движении Сибири, что дискредитировало бы местных большевиков.

Идейную переориентацию организаций РСДРП региона авторы обычно связывали с присутствием или отсутствием в них видных деятелей ленинской партии или, наоборот, известных представителей меньшевизма. Такой подход явно противоречил марксистской методологии, но выглядел закономерным явлением в условиях культа личности.

Очевидно, процесс изучения идейно-политической ориентации социал-демократов Сибирского союза имел довольно противоречивый характер. Неоднозначными оказались и его результаты. Разработка данной проблемы получила дальнейшее развитие применительно к Омской, Томской и особенно Иркутской организациям РСДРП, а в отношении Читинской и Красноярской – осталась на прежнем уровне по сравнению с предыдущим этапом советской историографии. В свою очередь, вопрос об идейных позициях и примиренчестве союзного комитета остался открытым.

Список источников

1. Бузурбаев Г. У. В. В. Куйбышев в Сибири. Новосибирск: Областное гос. изд-во, 1939. 132 с.
2. Бузурбаев Г. У. Сибирский союз РСДРП // Сибирские огни. 1939. № 2. С. 136-146.
3. Вендрих Г. А. 1905 год в Иркутске. Иркутск: Областное кн. изд-во, 1955. 48 с.
4. Ветошкин М. К. Большевики Дальнего Востока в Первой русской революции. М.: Госполитиздат, 1956. 278 с.
5. Ветошкин М. К. Большевики и меньшевики в 1905 году на Дальнем Востоке // Пролетарская революция. 1926. № 4. С. 158-192.
6. Ветошкин М. К. Забайкальские большевики и Читинское вооруженное восстание 1905-1906 гг. Чита: Областное кн. изд-во, 1949. 346 с.
7. Ветошкин М. К. Из истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. Л.: Госполитиздат, 1947. 304 с.
8. Ветошкин М. К. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М.: Госполитиздат, 1953. 307 с.
9. Ветошкин М. К. Революция 1905-1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита: Областное кн. изд-во, 1955. 85 с.
10. Ветошкин М. К. Сибирские большевики в период Первой русской революции. М.: Госполитиздат, 1939. 228 с.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 516. Оп. 1.
12. Груш Д. Б. Большевики Красноярска в годы Первой русской революции. Красноярск: Краевое кн. изд-во, 1955. 120 с.
13. Дулов В. И., Кудрявцев Ф. А. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905-1907 гг. Иркутск: Областное кн. изд-во, 1955. 192 с.

14. Дулов В. И., Кудрявцев Ф. А. 1905 год в Восточной Сибири. Иркутск: Областное кн. изд-во, 1941. 152 с.
15. Зайцевский А. В. Большевики – организаторы революционной борьбы трудящихся масс Томской губернии в 1905-1907 гг. Томск: Областное кн. изд-во, 1955. 52 с.
16. Зайцевский А. В. Томская организация РСДРП в период Первой русской революции 1905-1907 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Томск, 1953. 16 с.
17. Злобин В. И. Историко-партийная историография Первой русской революции // Вестник Московского государственного университета. 1975. № 9. Вып. 3. С. 41-42.
18. Зобачев И. Г. В дни бури и натиска // Сибирские огни. 1955. № 6. С. 149-155.
19. Зобачев И. Г. Сибирь в первую русскую революцию 1905-1907 гг. Новосибирск: Областное кн. изд-во, 1955. 91 с.
20. Исачкин С. П. Отражение политической культуры социал-демократов Сибири 1901-1907 гг. в ранней советской литературе // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 37-41.
21. Исачкин С. П. Политическая культура ссыльных и местных социал-демократов Иркутска в 1907-1917 гг. (историография и постановка проблемы) // Сибирская ссылка: сборник научных статей / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6. С. 8-21.
22. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938. 352 с.
23. Карпенко З. Г. Рабочие и крестьяне Кузбасса накануне и в годы Первой русской революции. Кемерово: Областное кн. изд-во, 1956. 92 с.
24. Ключников А. И., Груш Д. Б. Большевики Сибири и Дальнего Востока в годы Первой русской революции // Большевики во главе Первой русской революции: сборник научных статей / под ред. А. М. Панкратовой. М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1956. С. 318-382.
25. Кондриков Б. В. Революционные события в Омске в 1905-1907 гг. Омск: Отдел пропаганды и агитации Омского обкома КПСС, 1955. 26 с.
26. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск. Иркутск: Областное кн. изд-во, 1958. 516 с.
27. Куйбышев В. В. Эпизоды из моей жизни. М.: Старый большевик, 1935. 88 с.
28. Лашков И. Г. Большевики Западной Сибири в период революции 1905-1907 годов // Ученые записки Московского педагогического института. 1955. Т. 56. Вып. 2. С. 239-274.
29. Ленин В. И. Доклад об Объединительном съезде РСДРП // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Изд-во политической литературы, 1972. Т. 13. С. 1-66.
30. Ленин В. И. Обращение к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 12. С. 388-399.
31. Мильштейн А. Вооруженное восстание в Сибири в 1905 г. // Историк-марксист. 1940. № 8. С. 3-27.
32. О журнале «Вопросы истории»: Постановление ЦК КПСС от 9 марта 1957 года // Справочник партийного работника. М.: Госполитиздат, 1957. С. 381-382.
33. Окулова Е. Виктор Константинович Курнатовский. М.: Госполитиздат, 1948. 176 с.
34. Панкратова А. М. Первая буржуазно-демократическая революция в России. М.: Госполитиздат, 1955. 318 с.
35. Приймак Н. И. Советская историография Первой русской революции 1905-1907 гг. (середина 30-х – 60-е годы) // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России: в 2-х ч. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1967. Ч. 2. С. 31-52.
36. Пятьдесят лет Первой русской революции: тезисы Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1955. 32 с.
37. Синяев В. С. Революционная деятельность В. В. Куйбышева в 1905-1907 годах // 50 лет Первой русской революции: доклады Сибирской научной конференции, посвященной революции 1905-1907 гг. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1958. С. 21-46.
38. Спиридонов И. В. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М.: Госполитиздат, 1955. 198 с.
39. Трухин Г. В., Флеров В. С. Революционные события 1905-1907 годов в Томске // Ученые записки Томского педагогического института. 1955. Т. 14. С. 3-80.
40. Шней-Красиков К. Читинский комитет большевиков в 1905 году // Дальний Восток. 1948. № 1. С. 112-117.
41. Юрасова М. К. Очерки истории Омска. Омск: Областное кн. изд-во, 1954. 303 с.
42. Яковлев Н. Н. Красноярское вооруженное восстание 1905 г. // Исторические записки. 1952. № 40. С. 29-72.
43. Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске // Труды Московского историко-архивного института. 1954. Т. 6. С. 75-165.
44. XX съезд и задачи исследования партии // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 3-12.

Representation of Political Culture of the Siberian Social-Democrats in Publications of the Second Half of the 1930-1950s

Isachkin Sergei Pavlovich, Doctor in History, Associate Professor
Omsk State Transport University
isachkinomsk@rambler.ru

The article examines historiography of ideological positions and intra-party relations as phenomena of the Siberian social-democrats' political culture before and during the First Russian Revolution. The author identifies conditions, peculiarities and contradictions of the historical science development in the USSR in the second half of the 1930s – the 1950s. Influence of these factors on the process of studying the Siberian social-democrats' political culture is revealed. The paper considers why the Soviet historians of that period neglected the problem of opportunism in the Siberian social-democratic movement.

Key words and phrases: political culture; personality cult; Soviet historiography; Siberian branch of the Russian Social Democratic Labour Party; Bolsheviks; Mensheviks; ideological views; intra-party struggle.